

К ЭТИМОЛОГИИ СЛАВ. *myslъ*

Слав. *myslъ* принадлежит к числу тех слов, относительно этимологического объяснения которых существует почти полное согласие между исследователями. Со времен Миклошича и до наших дней из словаря в словарь переходит ставшее традиционным сравнение славянского слова с лит. *mausti*, *maudžia* (ср. еще *armaudas*), гот. *gamaudjan*, ср.-ирл. *smūainim* и далее вплоть до греч. $\mu\delta\delta\omicron\varsigma$. В согласии с этим рядом соответствий каждый раз предполагается, что слав. *myslъ* закономерно отражает праславянскую форму **mūd-slijo-*. Оспорить подобное объяснение довольно трудно, если оставаться верным тем критериям истинности в этимологии, которые неписано существовали в прошлом и, к сожалению, еще продолжают существовать и по сей день. В самом деле, почти все элементы слав. *myslъ* порознь находят объяснение в сопоставляемых с этим словом примерах из других индоевропейских языков: корневые варианты **mūdh-* : **moudh-* отмечены в греческом, готском или балтийском; суффиксальный элемент *-slъ* известен и в некоторых других славянских словах, в частности при корнях с исходом на зубной звук¹; значение ср.-ирл. *smūainim* (из **smoudn-*) 'я думаю' как будто соответствует одному из значений слав. *myslъ*. Внешняя удовлетворительность такого объяснения остается действительной лишь при условии подхода, атомизирующего некоторые совокупности связанных друг с другом фактов. В данном случае это проявилось прежде всего в привлечении к сравнению отдельных слов из других языков без учета их места в частных подсистемах и их внутренних связей; в свою очередь такая произвольность в выделении слов, подлежащих сопоставлению, повлекла за собой недостоверность семантического обоснования сравниваемых слов; из всей совокупности значений, закрепленных за соответствующими словами ('ныть', 'тосковать', 'жалеть', 'желать' — лит. *mausti*; 'злоба', 'досада' — лит. *armaudas*; 'напоминать' — гот. *gamaudjan*; 'слово' — греч. $\mu\delta\delta\omicron\varsigma$; 'жалоба' — перс. *mōye* (*y* из *d*); 'думать' — ср.-ирл. *smūainim*

¹ См.: A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, seconde partie. Paris, 1905, стр. 415—416.

и т. д.), было выбрано лишь одно — ‘думать’, причем никто не дал себе труда доказать, что именно это значение было исходным и древнейшим, а все остальные возникли из него в ходе дальнейшей семантической эволюции. С другой стороны, общепринятая этимология слав. *myslʹ* не только получает подкрепление при условии довольно произвольного расчленения целого, но и сама способствует атомизации славянских примеров, связанных с объясняемым словом, изолируя слав. *myslʹ* среди других родственных ему слов². Поэтому если ставить истинность этимологии в зависимость от того, как она объясняет не только данное слово, но и некое целое, в которое оно входит, то традиционное решение этимологии слав. *myslʹ* окажется малоудовлетворительным и требующим пересмотра.

Славянские языки дают весьма немногое для реконструкции древней судьбы корня *mysl-*, если опираться на формальные критерии. По существу, нам известно лишь то, что наряду с *mysl-* существует алломорф *mysl-*, выступающий в хорошо определенных условиях³. Таким образом, приходится иметь дело с практически неделимым комплексом *mysl-*, лишенным формальных связей с другими словами. Некоторая дополнительная информация о дистрибуции элемента *mysl-* может быть извлечена при учете приставочных образований (некоторые из них достаточно древни и могут претендовать на праславянское происхождение: сочетания *mysl-* с *do-*, *po-*, *pro-* *roz-*, *sv-*, *u-*, *za-*) и древнеславянских собственных имен с элементом *mysl-*, обычно в качестве второго члена сложных образований. Однако и в данном случае формальный анализ всех случаев распределения корня *mysl-* оказывается менее поучительным, чем семантический анализ. Приставочные сложения с корнем *mysl-* раскрывают более богатый набор значений, чем тот, который обычно приписывается слав. *mysl-*. При этом в ряде случаев нужно, видимо, считаться с тем, что разнообразие значений зависит не только от позднейшей семантической эволюции, но и от сохранения ряда первоначальных оттенков в приставочных образованиях. Ср. круг значений в др.-русск. *помысль*, *сѣмысль*, *умысль*, *промысль* и др., польск. *umysł* ‘ум, разум, интеллект’, *zmysł* ‘чувство, ощущение’, в.-луж. *zmysł* ‘чувство, орган чувства’ и под. В свете сказанного приобретают большее значение обычно игнорируемые оттенки и в бесприставочном слове *myslʹ*, ср. в чешском ‘мысль’ и ‘настроение’ (ср. фразео-

² Единственное исключение — мимолетно упоминаемая Брюкнером связь слав. *myslʹ* (из **mūd-*) с корнем **moud-/mud-*, ср. польск. *mudzić* ‘откладывать, медлить’, *mdły* ‘слабый, хилый’, ц.-слав. *измѣдѣти* и др. См.: В г і k h n e r, стр. 347—348, 350. — Семантические основания подобной связи остаются, конечно, в тени.

³ Разумеется, вторичны случаи вроде словен. *misel*, *miseln*, с.-хорв. *мисао*, болг. *мисѧ* и под.

логизм *pozbyti mysli* 'упасть духом'), в польском 'мысль', 'воля', 'желание', 'намерение' и т. п. (ср. *nie po mysli* 'не по душе', *przyszło na myśl* 'пришло на ум', *być dobrej mysli* 'быть в хорошем настроении'), в верхнелужицком 'чувство', 'дух', 'нрав', 'мнение' и очень редко 'мысль' (зато во множественном числе *mysle* обычно обозначает 'мысли'), в словенском 'мысль', 'мнение', 'намерение' (ср. *po misli* 'по желанию') и т. д. Одним словом, в славянских языках уже для достаточно раннего времени можно предполагать в корне *mysl-* наличие ряда значений, отображавших разнообразные функции духовной деятельности⁴.

Нужно думать, что на этом этапе анализа данные, которые можно извлечь из славянского материала, следует считать исчерпанными. Дальнейшие указания можно заимствовать исключительно из закономерностей общесемантического порядка. Хотя в применении к анализу слов, образующих семантическое «поле» со значением 'мыслить', 'думать', предварительная работа почти не проделана⁵, все же даже сырой материал, собранный Баком, дает достаточные основания для заключения. Так, в группе слов со значением 'думать', 'мыслить', 'иметь мнение' (17. 14⁶) около половины всех примеров так или иначе восходит к индоевропейскому корню **men-* (др.-инд. и авест. *man*, лит. *manyti*, ст.-слав. *мѣнѣти*, *мѣнити*, гот. *munan*, др.-в.-нем. *meinen*, др.-англ. *munan*, ирл. *do-moiniur* и др.). Славянские слова в этой группе представлены такими парами, как польск. *mysleć* — *mniemać*, чеш. *mysliti* — *míniiti*, с.-хорв. *misliti* — *mniti*, причем этот список может быть продолжен, не говоря уже о том, что члены этих пар могут быть подобраны более удачно. При анализе названной группы (17. 14) заслуживают особого внимания два факта: во-первых, отсутствие признанных соответствий слав. *myslь* типа гот. *ga-maudjan*, лит. *mausti* и др. и, во-вторых, известный параллелизм между *mysl-* и *mъn-(*men-)*, причем *mysl-* зачастую выступает там, где в других индоевропейских языках обычны слова с корнем **men-*. Поэтому уже на данном этапе исследования уместно поставить вопрос о возможности проверки слав. *myslь* на происхождение от и.-е. **men-* с тем же кругом значений.

⁴ Любопытно, что точно такое же смешение значений подчеркивалось в применении к и.-е. **men-*, ср.: A. Meillet. De indoeuropea radice **men-* «mente agitare». Paris, 1897; M. Bréal. Essai de sémantique. Paris, 1911, стр. 29—30.

⁵ Такие работы Трипа, как «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes» (Heidelberg, 1931), «Die Idee der Klugheit in ihrer sprachlichen Entfaltung» («Zeitschrift für Deutschkunde», Jg. 1932, H. 9, стр. 625—635), имеют лишь очень косвенное отношение к данному семантическому «полю» (если не считать некоторых периферийных участков его, ср. ср.-в.-нем. *wise*, *wisheit*, нем. *weis* и др.).

⁶ В у с к, стр. 1204 и сл.

Прежде всего обращают на себя внимание некоторые особенности дистрибуции корня *mysl-* и корня **men-* в связи с приставками. Корень *mysl-* обладает способностью соединяться с весьма большим, и притом практически одинаковым, количеством приставок независимо от того, выступает ли он в глагольных или именных образованиях. Одинаковая валентность *-mysl-* в отношении приставок легко объяснима, если вспомнить, что глагол *mysliti* — отыменного происхождения и разделяет целый ряд общих особенностей с исходным именем *myslь*. Менее понятно чрезвычайное развитие префиксации в именах с корнем *-mysl-*. В качестве наиболее вероятного объяснения этого факта можно выдвинуть предположение о том, что обилие приставок, соединяющихся с *-mysl-*, является результатом перенесения префиксальных возможностей глагола, лежащего в основе корня *-mysl-*, на именные образования с этим же корнем; иначе говоря, за многообразием префиксальных связей имен с элементом *-mysl-* можно видеть след старых отношений, характеризовавших соответствующие возможности глагольного корня, от которого был образован девербатив с корнем *-mysl-*. Подобное предположение, по-видимому, может быть подтверждено двоякого рода фактами. С одной стороны, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что распределение приставок при корне *-mysl-* и при корне **men-* является, за очень небольшими и, видимо, несущественными исключениями, взаимодополняющим. В то время как с корнем *-mysl-* соединяются практически почти все приставки, корень **men-* выступает, как правило, без приставок, если не считать префективирующего *po-* (в имени соответственно *pa-*) и ряда других префиксальных образований, построенных на сочетаниях с *po-*, ср. *помнить*, *запомнить*, *вспомнить*, *упоминать* и под. Разумеется, грамматический характер образований с *po-* и явно позднее происхождение остальных случаев гарантируют верность наблюдения о чрезвычайно ограниченных возможностях присоединения префиксов к корню **men-* в древности. В качестве исключения могли бы быть рассмотрены лишь такие случаи, как *сѣмьнѣти/сѣмьнѣти/сѣмнѣти*⁷, наряду со словом *сѣмьслъ*; наличие ст.-слав. *намѣнити* едва ли представляет собой отклонение от правила, поскольку с корнем *-mysl-* приставка *na-* почти не соединяется, кроме совершенно эфемерных окказиональных образований; к тому же праславянский характер **na-mĕniti* остается под сомнением. С другой стороны, взаимодополняющее распределение приставок при корнях *-mysl-* и **men-* внутри славянских языков находит известное подтверждение в том, что в целом ряде других индоевропейских языков с корнем **men-* соеди-

⁷ Что образования типа **sĕmьnĕti* существовали и в других славянских языках, доказывает, в частности, прусское заимствование из славянского *smünint*, *somonentwey*.

няются те же приставки, которые в славянском связаны с корнем *-mysl-*, ср., например, др.-инд. *prā-man-*, авест. *frā-man-*, лат. *pro-mineō*, лит. *pra-manyti*, *pra-minti*, греч. προ-μύνομαι и др. при слав. *pro-myslъ*, *pro-mysłjati*; др.-инд. *su-mati-*, *su-manas*, авест. *hu-matau*, *hu-manah*, греч. εὐ-μύστος и др. при слав. *съ-myslъ*; лит. *už-minti*, лтш. *už-minēt* при слав. *za-myslъ* и др.⁸ Таким образом, мысль о том, что в слав. *mysl-* скрывается тот же корень, что и в **men-*, становится весьма вероятной.

Следующий аргумент в пользу вышеприведенного соображения относится к области семантических закономерностей. Известно (см. Bueck, 17.21), что понятие «мудрый» (соответственно «мудрость») чаще всего выражается с помощью слов, обозначающих 'мыслящий', 'думающий', 'умный'. Поэтому заранее с относительно большой вероятностью можно предполагать и формальную (не говоря уж о семантической) связь между словами со значением 'мысль' и 'мудрый'. Не ставя себе целью дать исчерпывающий список примеров, иллюстрирующих такую связь, отметим лишь несколько случаев, когда речь идет как раз о словах с корнем **men-*: др.-инд. *manas* 'мысль' — др.-инд. *matimant-* 'мудрый', авест. *manah* 'мысль' — авест. *mązdra* 'мудрый', лит. *mintis* 'мысль' — лит. *išmintingas* 'мудрый', *išminčius* 'мудрец'. Поскольку слав. *mądrъ* 'мудрый', восходящее к индоевропейской древности и обладающее целым рядом надежных параллелей за пределами славянских языков⁹, связано, несомненно, с корнем **men-* с расширением *-dh-*, кажется оправданной формальная проверка семантически связанного с *mądrъ* слав. *myslъ* с целью решения вопроса, не скрывается ли и в последнем слове тот же корень, что в *mądrъ*¹⁰. При этом даже малейшее формальное подобие сравниваемых слов приобретает немаловажное значение ввиду очевидности семантических связей. Что же касается последних, то в пределах каждого отдельного славянского языка они несомненны; подтверждение этому можно найти и в многочисленных примерах, когда слова с корнем *mysl-* переводятся как 'мудрый', 'мудрость', и в нередких случаях передачи одного и того же слова (например, греческого) с помощью корня *mądr-* и корня *mysl-*, ср. др.-русск. мѣдръ — мѡудръ φρόνιμος и др.-русск. съмыслѣно φρονιμός [ср. также: «XIII слов Григория Назианзина» (XI в.), 41: о немъ же паче

⁸ Более спорно сопоставление слав. *do-myslъ* и ирл. *do-moinethar* (то же, что *muinethar* 'думает') в силу наблюдения Хольмера о кельтской приставке *do-*, ср.: N. M. Holmer. *Revue celtique*. London, стр. 105 и сл.; R. Thurneysen. *A Grammar of Old Irish*. Dublin, 1947, стр. 506 и сл.

⁹ Ср. особенно: Э. Бенвенист. *Индоевропейское именное словообразование*. М., 1955, стр. 220.

¹⁰ Иная этимология слова *мудрый* предложена недавно С. Лурье, см.: S. Luria. *Zur Etymologie des russischen Wortes «мудрый» («Weise»)*. «Studii și cercetări lingvistice», XI, № 3, 1960, стр. 553—560; в принципе она не противоречит сказанному выше, прибавляя к нему дополнительное звено.

мыслимъ ѿ πλέον ἐφρονοῦμεν). Наконец, говоря о семантических критериях связи между понятиями «мысль» и «мудрый», следует отметить деталь, которой мы склонны придавать важное значение: из всех известных пока из индоевропейских языков принципов выражения понятия «мудрый», видимо, только обозначение с помощью **men-*, характеризующего особого рода душевное движение, умственную деятельность, оказывается действительным и для выражения понятия «мысль»; другие же принципы обозначения понятия «мудрый» («ясновидящий», «острый», «быстрый», «искусный» и т. д.), как правило, не используются для выражения идеи «мысль». Следовательно, если совокупности способов выражения понятий «мудрый» и «мысль» представить в виде двух множеств, то окажется, что они пересекаются, причем общей частью является как раз та, которая содержит наименования по принципу обозначения особого рода духовной деятельности (корень **men-*).

Некоторые данные об этимологии слав. *myslь* можно извлечь из анализа отдельных частных случаев взаимных связей на материале элементарных структур. В этом смысле, видимо, оказалось бы перспективным исследование древних славянских двучленных имен с элементом *-mysl-* в качестве второй части слова (ср. *Dobromyslь*, *Miomyslь*, *Prēmyslь* и др.) и реже в качестве первого члена (ср. чеш. *Myšlibor*, польск. *Myšlibor*, *Myšlimir*, с.-хорв. *Mislav* из **Myslislavь* и др.). Сравнение этих имен с аналогичными в других индоевропейских языках не только оправдано глубокой древностью и принципиальным структурным сходством подобных образований¹¹, но и тем, что они, будучи двучленными, представляют собой элементарные микроструктуры, обеспечивающие несравненно большую надежность выводов, чем в случаях, когда анализируются разрозненные факты. Нетрудно заметить, что в структурном и семантическом отношении славянские имена со вторым членом *-mysl-*

¹¹ В последнее время см. о них: G. Schramm. Namenschatz und Dichtersprache. Studien zu den zweigliedrigen Personennamen der Germanen. Göttingen, 1957; K. H. Schmidt. Die Komposition in Gallischen Personennamen. — ZfceltPh, 25, 1957 (отдельный выпуск); и особенно: T. Milewski. Ze studiów nad antroponią indoeuropejską. «Onomastica», 5, 1957, стр. 349—380; его же. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych. — BPTJ, zesz. XVI, 1957, стр. 37—69; его же. Der morphologische Bau der zusammengesetzten griechischen Personennamen. — LP, VII, 1959, стр. 201—239; VIII, 1960, стр. 146—182. — Более скептический взгляд на индоевропейскую древность таких образований высказан недавно Пулгремом (E. Pulgram. Indo-European personal names. «Language», 23, 1947, стр. 189—206; его же. New evidence on Indo-European names. «Language», 36, 1960, стр. 198—202). Автор отчасти опирается на результаты исследования Ландау, установившего, что в микенских текстах около трех четвертей всех личных имен составляют одночленные (см.: O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. «Studia Graeca et Latina Gothoburgensia», 7, 1958).

находят точные соответствия в аналогичных именах из других индоевропейских языков, где в качестве второго элемента выступают слова, обозначающие 'мысль' и восходящие к корню **men-*, ср. слав. *Dobromyslъ*¹² при др.-инд. *Sumanas-* 'обладающий доброй мыслью'¹³, *Vasumanas-*, *Vasumati-* с тем же значением греч. Εὐμένης 'обладающий доброй жизненной силой' (μένος этимологически родственно др.-инд. *manas* 'мысль'; специализация значения вторична); ср. также крито-микенск. *e-u-me-ne* (Εὐμένης) в надписи из Пилоса¹⁴; любопытно, что наряду со слав. *Dobromyslъ* существует *Zlymyslъ* (ср. польск. *Slimisl* в Гнезненской булле 1136 г.), семантически аналогичный др.-инд. *dur-mati-*, *dur-manman-*. Возможно, представило бы интерес и сопоставление слав. **Těšimyslъ* (ср. польск. *Cieszymysł* — *Tessimizl* Гнезненской буллы) с авестийским собственным именем *Tušna-matay-* 'обладающий успокоенной (утешенной) мыслью'. К сожалению, отсутствие исчерпывающего материала по славянским именам с корнем *mysl-* (исключение составляют лишь польские данные, собранные Ташицким, ср. еще *Ziemomysł*, *Sietomysł*, *Uniomysł*, *Trzebomysł*, *Niezamysł*, *Ninomysł* и др.) не позволяет привести полный список соответствий славянским двучленным именам с элементом *-mysl-* в других индоевропейских языках. Тем не менее и приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что слав. *-mysl-* в сложных именах изофункционально элементу, восходящему к корню **men-* в ряде других индоевропейских языков¹⁵.

Другой аргумент структурного характера в пользу связи слав. *myslъ* с и.-е. **men-* можно почерпнуть, анализируя одно из весьма древних индоевропейских представлений о триаде связанных и противопоставленных друг другу понятий «мысль» — «слово» — «дело»¹⁶. Подробнее об этом будет сказано в спе-

¹² Ср. также *Drogomyslъ* (*Drogomizl* в Гнезненской булле).

¹³ Ср. славянский апеллатив *szmyslъ*, *szmyslъnъ* 'обладающий доброй мыслью'.

¹⁴ Ср. также авест. *hu-mata-* (в противоположность *duš-mata-*), *hu-matay-*, *hu-manah* и семантически близкое имя *Nažāmaniš* 'обладающий дружественной мыслью' из Бегистунской надписи.

¹⁵ Что касается балтийских имен на *-mantas* (ср. лит. *Algimantas*, *Normantas*, *Vydmantas*, *Vilmantas* и др.), то вопрос о включении их в этот ряд соответствий должен решаться в зависимости от того, какую этимологию *mant-* считать правильной. В последнее время чаще высказывается мнение о связи *mant-* с корнем **men-*. Ср.: E. Blese. *Valoda un tautas gars*. Rīgā, 1940, стр. 222. и сл.; Fraenkel, Lief. 6, стр. 408 и особенно: P. Skardžiū s. *Litauische zweistämmige Personennamen mit *mant- und manta-* «bewegliche Häbe». — *ZfslPh*, 29, 1960, стр. 146—150.

¹⁶ Наличие такого представления подтверждается целым рядом многозначительных соответствий; ср. др.-инд. *yan me manasā, vācā, karmaṇā vā duṣkṛtāṃ kṛtam* (Таиттирия Араньяка, X. 1. 12) 'которое злое дело сделано мне мыслью, словом или делом' (ср. также Махабхарата, XII. 4059, 6512, 6549, 6554; XIII. 5677; Законы Ману, XII. 4—8 и др.), авест. *arəm. maiti humata mamne arəm. uxti hūxta (vavaca) arəm. varšti hvarēšta (va-*

диальной статье; здесь же достаточно сказать о следствиях, которые вытекают из связи крайних членов триады с центральным. Речь идет о фактах двух родов: с одной стороны, о тех случаях, когда различия в значении между 'словом' и 'мыслью' и соответственно между 'словом' и 'делом' как бы нейтрализуются (ср. хетт. *temija(n)* — *temi(n)* 'слово, речь', а также 'настроение, расположение духа'¹⁷, хетт. *uttar* 'слово', а также 'дело'; количество примеров легко может быть увеличено¹⁸); с другой стороны, о тех случаях, когда слово одного и того же корня употребляется в разных значениях, образуя постепенную цепь переходов между крайними членами триады. В данном случае следует обратить внимание на то, что слова с корнем **men-* в славянских и некоторых других языках могут обслуживать и сферу понятий «слово», «говорение», «речь», и сферу понятий «мысль»: ср. др.-русск. *мѣнѣти* 'говорить', ст.-слав. *намѣнѣти* 'назвать', 'упоминать' и др., но *мнѣти*; *мнение*, *вспоминать*, *память* и т. п. (ср. также лит. *minti* 'думать' и 'упоминать', 'звать' и др.)¹⁹. Эти факты в сочетании с тем, что первый член триады «мысль» чаще всего в индоевропейских языках обозначается корнем **men-*, еще более связывают слав. *myslь* с рядом слов, восходящих к **men-*. Разумеется, возможности семантического обоснования необходимости или по крайней мере желательности сопоставления слав. **myslь* с *mōdrъ*, *mьniti* и под. на этом не исчерпываются, хотя приведенных соображений вполне достаточно, чтобы считать такое сопоставление гораздо более оправданным, чем то, которое практически без всякого обоснования признается в принятой этимологии слова *myslь*.

После того как семантические указания предельно сузили возможность выбора, остается проверить, какой фонетический облик корня **men-* наиболее соответствует слав. *myslь*. Скорее всего речь могла бы идти о старом отглагольном существительном (с суффиксом *-slь*), обозначавшем сначала действие, а потом и его результат. В соответствии с этим целесообразно

varaza) (Pursišnihā, 25) «mit rechtem Denken hat er gut gedachtes gedacht, mit rechtem Sprechen gut gesprochenes (gesprochen), mit rechtem Handel gut getanes (getan)» (другие примеры см.: Bartholomae, стр. 1121—1122), а также соответствующее место в платоновом «Протагоре» и т. п.).

¹⁷ Кстати говоря, это слово обычно выводят из корня **men-* с удвоением (ср. еще лув. *tammana* 'говорить', греч. *μῆνονα*); ср., впрочем: E. Venniste. Sur le consonantisme hittite. — BSL, 33, 1932, стр. 140 (к др.-инд. *mimāti*, ст.-слав. *мѣмѣти*).

¹⁸ Ср., в частности, слав. *dělo* и *děti* 'говорить'.

¹⁹ Любопытно, что у Гомера думание описывается иногда как говорение (ср.: R. V. Onians. The origins of European thought about the body, the mind, the soul, the world time, and fate. Cambridge. 1954, стр. 13), что совпадает с данными детской психологии (см.: W. Stern. Psychology of early childhood, 1924, стр. 384).

в слав. *myslъ* видеть отражение корня **men-* на ступени *o:-* **monslī-*; кстати говоря, этот же вид корня отражен в *mǫdrъ* и *moněti*, если говорить о славянском материале, и в целом ряде примеров за пределами славянских языков. Из числа последних, обычно хорошо известных, упомянем лишь один — из литовского языка, до сих пор не привлекавший внимание исследователя в связи со слав. *myslъ*. Речь идет о лит. *mąslus* 'вдумчивый, мыслящий, понятливый' (ср. также *mąslumas*, *mąstyti* 'мыслить, размышлять, обдумывать'²⁰, архаичном прилагательном на *-u-* от корня **man-*: **manslu-* < **monslū-* (или **manstlu-*?); ср. слав. **monslī*/**monslū-* (*srъmyslъ* и под.). Таким образом, в литовском слово *mąslus* включается в ряд *menu*, *minti*. Трудно предположить, что в славянском дело обстоит иначе и что *myslъ* не было связано с *mьnitъ*, *mině*. Едва ли составит принципиальную трудность объяснение корневого гласного в слове *myslъ*, особенно, если принять вполне правдоподобный слогораздел **mons-lī-*/**mons-lū-* и разнообразие источников слав. *y*²¹. Точно так же никак не может рассматриваться как препятствие утверждение Мейе²², сделанное на основании двух-трех примеров, о том, что суффикс *-slъ* присоединяется только к тем корням, которые оканчиваются на зубной или на *s*, *z*. Крайняя ограниченность славянских фактов и, напротив, многообразие балтийских примеров, нарушающих закономерность, намеченную Мейе для славянского (ср. лит. *gysla* при *gyti*), не дают возможности согласиться с утверждением французского ученого.

²⁰ О *mąstyti* см.: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 538.

²¹ См. подробнее: В. Н. Топоров. Из праславянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960, стр. 8 и сл.

²² A. Meillet. Указ. соч., стр. 415—416.